

Сюй Хао как раз не успел поужинать, поэтому набирал еды, чтобы перекусить. Услышав вопрос Чжан Сюйшэна, он набил рот и бросил на него взгляд.

— А что ещё это может быть? Как не ночной клуб? Просто это место с более высоким художественным уровнем. Твой друг ведь занимается искусством?

Чжан Сюйшэн сразу просиял.

— Чёрт, братан Хао, ты и за границей ходишь по клубам? Раньше я не замечал, что ты такой крутой! Ну как там, иностранки красивые?

Сюй Хао усмехнулся.

— Ты ещё пушок не оброс, зачем тебе эти мысли?

В этой жизни он действительно не бывал в таких местах, но всё, что эти ребята вытворяли, он уже прошёл в прошлой жизни. С тех пор, как Ван Цзюньэнь бросил ему вызов, Сюй Хао думал: «С кем ты вообще разговариваешь? У всех бывает молодость».

Они задержались с Чжан Сюйшэном до десяти вечера, когда вечеринка была в самом разгаре, но у Сюй Хао уже появилось желание уйти. Общаться? Не хотелось. Танцевать? Тоже нет. Пить или курить — ни то, ни другое не привлекало. В этой комнате, полной хаоса и избыточной энергии молодежи, Сюй Хао чувствовал себя стариком, которому ничего не интересно. К тому же большинство ребят были лет семнадцати-восемнадцати, только что ставшие взрослыми, но ещё не совсем. Даже если они и шумели, это не доходило до крайностей. Максимум — пара человек, напившись, валялась на диване, слегка растрепанные. Но мысль о том, что среди этих заигрывающих могли быть несовершеннолетние, вызвала у Сюй Хао чувство, близкое к ощущению преступления.

К одиннадцати часам Сюй Хао уже разболелась голова от грохота барабанов, и он сильно пожалел, что поддался на уговоры Чжан Сюйшэна. Какой тут «расслабон», лучше бы дома слова учил.

Однако Чжан Сюйшэн был в ударе. Его дома строго контролировали, и сегодня он, видимо, придумал какую-то отговорку, чтобы вырваться на свободу. Он уже совсем потерял голову, игнорируя просьбы Сюй Хао уйти, то и дело заигрывая то с одной девушкой, то с другой. Сюй Хао наблюдал за этим, но в конце концов не выдержал его неуклюжих попыток и ушёл на диван слушать, как кто-то поёт.

Ближе к полуночи Чжан Сюйшэн, с красным лицом, подошёл к Сюй Хао. Он тоже выпил немало, но, к счастью, держался на ногах, хотя и слегка шатался.

— Пошли, там играют, присоединяйся.

Сюй Хао отмахнулся.

— Я не пойду. Завтра на учёбу. Если ты не уходишь, я пойду один.

Чжан Сюйшэн, пьяный, замахал руками перед Сюй Хао.

— Да ладно тебе, какая учёба? Ты что, совсем с ума сошел? — Затем он таинственно приблизился, как будто делился секретом. — Слушай, там девчонки просто огонь. Скажи, какой тип тебе нравится, я тебя познакомлю!

Сюй Хао подумал, что Чжан Сюйшэн зря не идёт в сводники. Да и кто он такой, чтобы кого-то знакомить, если сам не может разобраться со своими делами? Просто невероятно.

Сюй Хао не стал больше спорить.

— Уже поздно. Ты сегодня здесь остаёшься? Я действительно уйду.

Чжан Сюйшэн, увидев, что Сюй Хао встал, тут же схватил его за руку.

— Эй, не уходи, братан Хао. Кстати, Янь Цзэ пару дней назад спрашивал твой номер. Он тебе звонил?

Сюй Хао, услышав это, с удивлением снова сел.

— Янь Цзэ спрашивал мой номер? Нет, не звонил. Зачем ему?

Чжан Сюйшэн продолжал махать руками.

— Не знаю. Он сказал, что, кажется, ты что-то забыл у него, наверное, случайно перепутал на уроках труда. Братан Хао, не уходи. Почему ты вообще не интересуешься девушками? Или...

Он вдруг глубоко вдохнул, с драматическим выражением лица прижал руку к груди и начал разыгрывать сцену.

— Или ты... любишь мужчин? Братан Хао, ты что, в меня влюбился? Нет, я люблю девушек, это невозможно!

Сюй Хао без церемоний пнул его ногой.

— Иди к чёрту. Я лучше на себя наложу руки, чем в тебя влюблюсь.

Чжан Сюйшэн, изображая страдания, прижал руку к сердцу.

— О, как же больно! Хао, ты так жесток, я в шоке!

Сюй Хао указал на него.

— Хватит тут разыгрывать спектакль. Ещё раз — получишь.

После этого Чжан Сюйшэн и окружающие ещё немного приставали к нему, и когда Сюй Хао наконец вышел, было уже два часа ночи.

Надев куртку, он вышел на улицу, где его встретил ледяной ветер глубокой зимы, заставив вздрогнуть. Сюй Хао выпил немного, поэтому тело было тёплым, и он не чувствовал сонливости. Решив прогуляться и подышать воздухом, он направился к дороге, чтобы поймать такси.

Выйдя из района, он вышел на шоссе. В это время ночи машин уже не было, и дорога казалась гораздо шире, чем обычно, и невероятно пустынной.

Сюй Хао зашёл в круглосуточный магазин у дороги, купил бутылку горячего молока «Ванзай» и, выйдя, поймал такси.

Открыв дверь и собираясь сесть, он вдруг услышал гул моторов, доносящийся с конца дороги.

Звук приближался с невероятной скоростью.

Сюй Хао поднял голову и увидел, как мимо него пронеслись четыре или пять спортивных автомобилей. Рев моторов был настолько громким, что по одному только звуку можно было понять, что машины были мощными. Первую он даже узнал — ярко-красный Ferrari с системой HY-KERS. У кого-то из окружения, кажется, была такая, но Сюй Хао не вспомнил, у кого именно.

Когда он сел в такси, гул двигателей всё ещё звенел в ушах. Сюй Хао не мог не подумать: «Как они вообще ездят по городу? Словно на ракетах».

На горной дороге Суншань гул моторов напоминал гром, а фары, как молнии, прорезали повороты. Несколько стремительных огней мелькали среди теней деревьев, птицы взлетали, и вся гора словно пробудилась.

Янь Цзэ держал руль, и когда машина шла по прямой, его указательный палец слегка отбивал ритм музыки на руле.

Музыка внутри машины была неистовой, тяжёлый рок с густым звуком, где ритм преобладал над мелодией. Вокалист, казалось, выкрикивал весь воздух из лёгких — хрипло, разрывая голос, выплёскивая эмоции, которые не оставляли места для чего-то другого.

Однако выражение лица Янь Цзэ оставалось безразличным, ленивым, что резко контрастировало с бурной атмосферой внутри и снаружи машины.

Скорость поднялась до 180 км/ч, фары пробивали плотную тьму перед ним. Янь Цзэ смотрел вперёд, локоть опирался на дверцу, и он усмехнулся, но в этой улыбке не было ни капли радости.

На вершине горы Суншань, на большой бетонной площадке, гул моторов внезапно стих. Двигатели заглохли, музыка прекратилась, но в воздухе всё ещё вибрировали отголоски.

Когда Линь Дучжи подъехал к вершине, он сразу увидел Янь Цзэ.

Фары были включены, и Янь Цзэ сидел на капоте, одна нога согнута, другая свободно свисала. Он опирался спиной на лобовое стекло, ярко-красный Ferrari напоминал расправленного фламинго. Лицо Янь Цзэ было бесстрастным, взгляд надменным. В левой руке он держал ключи от машины, подбрасывая их в воздух и ловя.

Даже в два часа ночи город Б был освещён, как днём. Дороги, словно транзисторы в интегральной схеме, а световое загрязнение в небе вызывало головокружение. Но именно из-за этого света город никогда не засыпал.

Он просто переставал говорить.

Линь Дучжи, как старый друг Янь Цзэ и один из немногих его близких, не был с ним особенно близок, но в кругу общения Янь Цзэ он занимал особое место.

Они были из похожих семей, что было ключевым моментом. С рождения они жили по соседству, и Линь Дучжи с Янь Цзэ выросли вместе. Линь Дучжи всегда считал, что имеет право судить о характере своего друга, который, мягко говоря, был не совсем нормальным.

Ещё в детском саду Янь Цзэ был не из тех, кого можно было обижать. Он был заводилой,

задирой, создавал группировки и издевался над другими. Некоторые из тех, кто был в его окружении тогда, до сих пор помнят те времена и стараются избегать его — он был сильнее, и с ним лучше не связываться.

Но до десяти лет, несмотря на свой скверный характер, Янь Цзэ не был таким мрачным, как сейчас.

Если бы не тот несчастный случай...

Возможно...

Янь Цзэ смотрел вниз, словно рассматривая город, но при этом его взгляд был рассеянным.

<http://bllate.org/book/16583/1515056>